
Е. А. Галинская

**К ИСТОРИИ СИНКРЕТИЧНЫХ ИМЕННЫХ ФОРМ В РУССКИХ
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ГОВОРАХ**

Многим современным русским говорам свойственно явление синкремизма форм родительного, дательного и предложного падежей единственного числа женского рода *a*-склонения, причем синкремичная флексия может быть двух видов: <-е> и <-и>. Флексия <-е> (*от жене, к жене, о жене; от земле, к земле, о земле*) распространена на территории южнорусского наречия и большей части среднерусских говоров, а флексия <-и> (*от жены, к жены, о жены; от земли, к земли, о земли*) широко представлена на северо-западе и имеет небольшие ареалы распространения в юго-западных диалектах¹.

¹ См.: Сологуб А. И. Формы родительного, дательного и предложного падежей существительных женского рода продуктивного типа склонения в русских говорах//Вопр. языкоzn. 1972. № 1. С. 68—76.

Предпосылки образования этих двух типов падежного синкремизма уже давно стали предметом исследования и неоднократно обсуждались на страницах лингвистических работ. В классическом языкоznании разработано несколько концепций относительно причин возникновения падежного синкремизма в истории русского языка. Совпадение падежных форм объясняется как результат взаимодействия твердой и мягкой разновидностей склонения²; взаимодействия форм внутри отдельных типов склонения³; влияния со стороны других типов склонения существительных, склонения прилагательных и местоимений⁴. Современные исследователи, как правило, придерживаются той или другой из названных точек зрения, однако сравнительно недавно была предложена еще одна гипотеза. Ее автор, Г. А. Хабургаев, полагает, что падежный синкремизм возник вследствие совпадения форм родительного, дательного и местного падежей (далее — Р., Д., М.) в процессе преодоления синонимии падежных окончаний и унификации словоизменительных классов существительных⁵.

Таким образом, проблема первоначального образования общей формы Р.-Д.-М. пад. того или иного типа на базе исходной системы, различавшей формы Р. пад., с одной стороны, и Д.-М.— с другой, в настоящее время разработана весьма обстоятельно. Предметом же данной статьи является вопрос о смене типа падежного синкремизма и причинах длительного сосуществования двух синкремичных форм в одном из русских диалектов.

Последние исследования А. А. Зализняка показали, что в древневновгородском говоре XI—XII вв. как для твердого, так и для мягкого варианта *a*-склонения была характерна синкремичная флексия Р.-Д.-М. пад.-ѣ⁶. В современных же северо-западных диалектах (генетически новгородского типа) представлены синкремичные окончания -ы, -и. Кроме того, имелся ряд промежуточных этапов, когда обе синкремичные флексии сосуществовали, причем наиболее стабильным такое сосуществование было в твердой разновидности склонения (-ѣ и -ы).

Различные аспекты проблемы падежного синкремизма в истории северо-западных говоров обсуждаются во многих работах, базирующихся на показаниях новгородских памятников письменности. Большинство этих работ освещает, как правило, тот или иной этап развития данного явления и не затрагивает всей его эволюции с XI по XX в.⁷

² См.: Шахматов А. А. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века. Спб., 1886. С. 190—192; Дурново Н. Н. Очерк истории русского языка. М.; Л., 1924. С. 280; Кузнецов П. С. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1958. С. 38—48.

³ См.: Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907. С. 202.

⁴ См.: Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957. С. 344; Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке. Вып. I. Единственное число. Л., 1927. С. 87—88.

⁵ См.: Хабургаев Г. А. К вопросу об интерпретации падежного синкремизма в русских говорах//Вопр. языкоzn. 1963. № 3. С. 73.

⁶ См.: Зализняк А. А. Древневновгородское койне//Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988. С. 68.

⁷ См., например: Доброму слова А. Н. К истории форм женского склонения в древневновгородском говоре//Вестн. Моск. ун-та. Сер. VII. Филология, журналистика. 1961. № 4; Мирецкий А. Л. К вопросу об истории форм родительного, дательного и местного падежей *singularis* женского склонения в новгородском говоре//Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. история, языка и литературы. 1965. Вып. 3, № 14; Молодых Л. И. Именное склонение в новгородских грамотах старшей поры//Учен. зап. Мордовск. гос. пед. ин-та им. А. И. Полежаева. Саранск, 1957. Вып. VI; Парахина М. Ф. Имена с

Но существуют также исследования, где охват материала во временном плане более широк — это одна из статей А. Н. Добромусловой и упомянутая выше статья А. И. Сологуб.

А. Н. Добромуслова приходит к выводу о том, что изначально в Р.-Д.-М. пад. твердой разновидности *a*-склонения в говорах новгородского типа было обобщено окончание -ѣ, а в тех же падежах мягкой разновидности — окончание -и. Но затем, начиная с XIV в., в результате хронологического совпадения процесса взаимодействия разновидностей склонения с фонетическими процессами, которые вели к устраниению фонемы <ё> (независимо от конкретного пути этого устраниния, т. е. изменения <ё> в <е> или в <и>), происходило распространение и в твердом варианте склонения флексии -и, изменявшейся в -ы вследствие выравнивания основ⁸.

Впрочем, А. Н. Добромуслова не касается причин длительного существования в северо-западных говорах двух синкетических форм Р.-Д.-М. пад. твердого варианта склонения: с флексией -ѣ и с флексией -ы. Попытка объяснить это явление предпринята лишь в статье А. И. Сологуб, где помимо других вопросов анализируется также проблема эволюции новгородского диалекта в интересующем нас плане и на основании данных лингвистической географии делается вывод о том, что собственно новгородским было образование синкетической флексии -ѣ; формы же Р.-Д.-М. пад. на -ы пришли на север позднее, в качестве юго-западной инновации, с чем и связан период достаточно продолжительного сосуществования двух флексий в XVI—XVII вв., после чего победили инодиалектные формы на -ы⁹.

Думается, однако, что не только смену типа падежного синкетизма, но и причины довольно долгого сосуществования двух синкетических форм в северо-западных говорах можно объяснить, исходя из внутренних тенденций развития новгородского диалекта.

В распоряжении исследователей имеется обширный материал памятников бытовой письменности: для XI—XV вв. — новгородские берестяные грамоты, для XVI—XVII вв. — многочисленные рукописи делового содержания. Да и книжные тексты предоставляют в некоторых случаях надежные данные, которые могут быть использованы в работе. Анализ всех этих материалов позволяет схематически представить эволюцию форм Р.-Д.-М. пад. твердого варианта *a*-склонения:

Исходная система	Р.	жены
	Д.-М.	женѣ
XI—XIII вв.	Р.-Д.-М.	женѣ
XIV—XV вв.	Р.-Д.-М.	женѣ(-е), редко — жены
XVI в.	Р.-Д.-М.	женѣ(-е), жены — примерно в равном распространении

основой на -а в Синодальном списке 1-й Новгородской летописи//Вопр. русск. языка. Львов, 1956. Кн. 2; Смирнова Е. С. Морфологические заметки о новгородских грамотах XIII—XIV вв., хранящихся в Рижском государственном городском архиве//Учен. зап. Латв. гос. ун-та им. Петра Стучки. 1961. Т. 43; Харальдsson X. Система склонения имен существительных в русской деловой письменности северо-запада XIV—XV вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1971; Яковлева Г. А. К истории именного склонения существительных (по материалам памятников делового письма новгородского говора XVI века)//Учен. зап. Кабард.-Балкарск. гос. ун-та. Нальчик, 1958. Вып. 4.

⁸ См.: Добромуслова А. И. К истории форм дательного-местного на -ы в северновеликорусских говорах//Вестн. Моск. ун-та. Историко-филологическая серия. 1959. № 3. С. 87—100.

⁹ См.: Сологуб А. И. Указ. соч. С. 78.

* Столь сложная картина характерна только для твердого варианта склонения, тогда как в мягком варианте смена разновидностей падежного синкретизма произошла сравнительно легко — вместо синкретичной формы типа землѣ довольно рано установилась и закрепилась форма типа земли. О предположительных причинах такого изменения будет сказано ниже.

Приведенная схема может быть проиллюстрирована некоторыми данными, извлеченными из письменных источников соответствующих периодов.

XI—XIII вв. В берестяных грамотах этого времени в Д.-М. пад. встречается лишь окончание -ѣ (или его графические замены — е, ъ). Это же окончание господствует и в Р. пад., тогда как флексия -ы употребляется здесь в единичных случаях; отсюда можно заключить, что окончание -ы древненовгородскому говору свойственно не было¹⁰.

XIV—XV вв. С XIV в. появляются единичные формы Д.-М. на -ы, причем фиксируются они в книжно-литературных текстах, например: «на онои страны» (Сильв. сб. XIV в.)¹¹, «гла старѣшины» (Новг. ев. Имп. публ. библ. XIV в., 48 об.)¹².

В XV в. количество подобных случаев увеличивается, хотя на фоне огромного числа форм Д.-М. пад. с флексией -ѣ они еще весьма редки. В этот период формы с окончанием -ы употребляются уже не только в книжно-литературных памятниках, но и в деловых текстах. Например: «ко святыма Козмы и Дамьяну» (запись на Прологе 1400 г.), «поклониль ся еси нашему старѣшины» (Ипат. лет., 198), «при архимандрѣ Кузмы» (запись на Еванг. 1471 г. Публ. библ.), «господину владыки Ионы» (грамота 1459—1470 гг. Ак. Арх. Э. I, 46)¹³, «в татбы» (Дв. гр. № 85), «по Лавкоты рѣки» (там же, № 111), «в тои малой Юры рѣки» (там же, № 33)¹⁴.

Отмечены формы Д.-М. пад. на -ы и в псковских рукописях XV в., например: «роука* таковла прилпаше паты исавове» (Палея 1494 г., 49), «къ висоуе хананитеины» (там же, 138₂), «при семь цри костантине и мтри его ирины» (Палея 1477 г., 541 об.) и др.¹⁵

Однако в XIV—XV вв. формы на -ы еще не получили широкого распространения¹⁶, и господствующим в этот период остается старое синкретичное окончание -ѣ. Для Д.-М. пад. во всех текстах XIV—XV вв. оно нормативно, а для Р. пад. довольно распространено и, судя по данным берестяных грамот, где влияние книжного языка сведено к минимуму, является преобладающим. Так, А. А. Зализняк отмечает,

¹⁰ См.: Зализняк А. А. Указ. соч. С. 63—64. Конкретный материал см. в работе: Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения//Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1977—1983 годов. М., 1986. С. 135—136.

¹¹ См.: Соболевский А. И. Указ. соч. С. 202.

¹² См.: Васильев Л. Л. Новгородское Евангелие Имп. Публ. Библ. и его западнорусские вкладные//Русск. филол. вестн. 1902. Т. 47, № 1—2. С. 153.

¹³ См.: Соболевский А. И. Указ. соч. С. 202.

¹⁴ См.: Шахматов А. А. Исследование о двинских грамотах XV века. Спб., 1903. С. 110.

¹⁵ См.: Каринский Н. М. Язык Пскова и его области в XV веке. Спб., 1909. С. 37, 59.

¹⁶ См. также материал, приведенный в указанной работе Л. И. Молодых (С. 148—155).

что в XIII—XV вв. окончание -ѣ в Р. пад. встречается около 70 раз, т. е. в пять раз чаще, чем -ы¹⁷. Достаточно многочисленны формы Р. пад. на -ѣ и в двинских грамотах: «стго Николъ» № 5, 6, 15, 16; «до юго женъ» № 86, «противъ яколъ половинъ» № 113, «половину оцинѣ» № 80 и т. д.¹⁸ Даже в Синодальном списке 1-й Новгородской летописи найдено 18 форм с окончанием -ѣ в Р. пад. твердого варианта склонения, причем именно в словах некнижных, обозначающих имена новгородских посадников, восточнославянские географические наименования, названия новгородских улиц, культурных растений (*рѣнѣ возъ*), родственных отношений¹⁹.

Употребительны, по наблюдениям Н. М. Каринского, формы Р. пад. на -ѣ и в псковских текстах XV в.: «сестрѣ своєї» (Палея 1494 г., 47₂), «изъ язве исхожаше кровь» (там же, 349), «ѡ работѣ» (Палея 1477 г., 10 об.₁), «съ стѣне» (там же, 181), «пришедшѣ с Москвѣ» (Сб. Синод. б-ки № ⁶⁸₂₇₀, 89об.) и др.²⁰

XVI в. В этот период, судя по многочисленным памятникам новгородской деловой письменности, исследованным Г. А. Яковлевой, в Р. пад. ед. ч. твердого варианта склонения формы на -ѣ распространены так же, как в XV в.²¹ В то же время в XVI в. по сравнению с предшествующим столетием увеличивается число форм Д.-М. пад., имеющих окончание -ы²². Итак, можно заключить, что в XVI в. синкетичные флексии -ѣ и -ы распространены примерно одинаково.

XVII в. Несколько иная картина складывается при анализе рукописей, отражающих говор генетически новгородского типа конца XVI — первой половины XVII в. Нами был исследован значительный корпус текстов делового содержания (46 рукописных источников общим объемом около 3000 листов), написанных в этот период в Тихвинском Успенском и Александровом Свирском монастырях (казначейские и житнические приходно-расходные книги, таможенные книги и другие, хранящиеся в Ленинградском отделении Института истории СССР АН СССР). Здесь можно найти довольно много форм Р. пад. на -ѣ (-e), образованных от имен как собственных, так и нарицательных: «от малюте» 26, 11²³, «у никите» 6, 137 об., «от цреѧне кнѧжнѣ анне михаиловне» 22, 3, «с москвѣ» 11, 9 об., «с ывине рѣки» I, 75, «продано рыбѣ» 6, 86, «с шиншиной горѣ» I, 76, «от грамотѣ» VI, 30 об., «у ... слугѣ» 21, 3, «без осмине» 26, 13 об. и т. д.

Таким образом, синкетичная флексия Р.-Д.-М. пад. -ѣ (-e)²⁴ была вполне свойственна живому языку. Однако наблюдения и подсчеты показывают, что в тех же Р.-Д.-М. пад. постепенно начинало преобладать окончание -ы. Не приводя примеров Р. пад. на -ы, обратимся к

¹⁷ См.: Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения. С. 135.

¹⁸ См.: Шахматов А. А. Исследование о двинских грамотах XV века. С. 110.

¹⁹ См.: Парахина М. Ф. Указ. соч. С. 101.

²⁰ См.: Каринский Н. М. Указ. соч. С. 37, 59, 108.

²¹ Яковлева Г. А. Указ. соч. С. 413.

²² Там же. С. 424, 430. При этом, естественно, во всех текстах в большом количестве встречаются формы Р. пад. на -ы и Д.-М. — на -ѣ. Г. А. Яковлева учитывает и их, хотя очевидно, что, будучи в письменном языке нормативными, для статистического анализа они непригодны.

²³ Первая цифра обозначает номер памятника по описям Ленингр. отд-ния Ин-та истории АН СССР, вторая — номер листа; арабскими цифрами обозначены рукописи из оп. 2, ф. 132, римскими — из оп. 2, ф. 3; выносные буквы даются курсивом.

²⁴ Формы Д.-М. пад. на -ѣ отмечены многократно и здесь не приводятся.

формам Д.-М. пад.²⁵ Флексия -ы в Д.-М. пад. достаточно регулярно употребляется у собственных имен и нередко — у нарицательных. Д.-пад.: «дано ... марфы» VI, 74 об., «Ивану Капусты» 6,211, «дано левы» 22, 3 об., «дано плотником калины с товарыщи» 21, 167 об., «протопопу никиты» 22, 24, «старцу кузмы» 24, 4, «дано ... жены его анны коровницы» 15, 43 об., «по тихвины реки» 33, 143 об., «к москвы» 30, 55 об., «к реки к инемы» III, 5, «к избы» 21, 70, «цена хлѣбу и рѣпы» I, 68 об., «посацкому старосты» 33, 65, «придали к кобылы» VI, 94 об., «к троецкой суботы» I, 54 об., «к шляпы» 15, 22 об. и т. д. М.-пад.: «на Иване Капусты» 34, 17, «по никиты вяльцове» 33, 187 об., «по инокъ козмы» 33, 162, «по инокъ Марое прозвище досады» V, 75, «при ... рафаилы» 11, 1, «на тихвины» XVII, 4 об., «живут в корѣлы на шуистомы» XVII, 2 об., «в таможеной избы» 13, 38 об., «в ... казны» 29, 57 об., «о другои половины» 21, 107 об., «на сосны» II, 5, «вырезана на раковины» XV, 29 об., «на таѣты» 2, 21 об. и т. д.

Итак, в первой половине XVII в. синкретичная флексия Р.-Д.-М. пад. -ы встречается чаще, чем синкретичная флексия -ѣ. К подобному выводу приходит и А. Л. Мицкай на основании исследованных им различных новгородских деловых текстов XVII в. Изучив же в числе прочих и документы второй половины столетия, он заключает, что к концу XVII в. форма Р.-Д.-М. на -ы в диалектах новгородского типа стала явно господствующей²⁶.

ХХ в. В современных северо-западных говорах повсеместно распространена флексия -ы, а формы Р.-Д.-М. пад. на -е (из -ѣ) встречаются лишь изредка — в единичном распространении, в качестве реликтов²⁷.

Появление в рукописях новгородского происхождения первых указаний на формирование в Р.-Д.-М. пад. единого окончания -ы (-и) хронологически совпадает с началом фиксации смешения букв ъ и и в текстах, созданных на новгородской территории. Представляется, что именно с фонетическим процессом изменения [ѣ] в [и] и следует связывать смену типа падежного синкретизма в северо-западных диалектах. О сопутствующем же взаимодействии типов склонения, т. е. о влиянии мягкой разновидности на твердую²⁸, говорить, по-видимому, не имеет смысла, ибо последние исследования А. А. Зализняка показали, что и в мягком варианте склонения все три падежные формы в древненовгородском говоре имели общую флексию -ѣ. Тем самым окончания Р.-Д.-М. в твердой и мягкой разновидностях были одинаковыми, и почву для каких бы то ни было влияний здесь найти нельзя.

Попытаемся проанализировать механизм и этапы смены типа падежного синкретизма, учитывая актуальные в данном случае морфонологические факторы.

Наиболее благоприятные условия для изменения конечного [ѣ] в [и] в формах Р.-Д.-М. пад. с синкретичным окончанием -ѣ сложились, по-видимому, в основах на парные мягкие согласные, [j], шипящие и [ц], т. е. в мягком варианте склонения, так как фонетическое изменение не нарушало тут морфонологического облика парадигмы. Именно

²⁵ При этом материал для Д. пад. более обширен, чем для М., что связано, по-видимому, со спецификой жанра расходных книг, где весьма употребительна формула «дано ... такому-то».

²⁶ См.: Мицкий А. Л. Склонение имен существительных в новгородской деловой письменности XVII века: Автoref. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1961.

²⁷ См.: Сологуб А. И. Указ. соч. Карты № 1—5.

²⁸ См., например: Добрый слово А. Н. К истории форм дательного-местного на -ы в северновеликорусских говорах. С. 98.

поэтому в мягкой разновидности склонения смена типа падежного синкремизма осуществлялась достаточно легко (форма Р.-Д.-М. типа землѣ заменялась на форму типа земли). У существительных с твердыми основами фонетическое изменение [ё] в [и] во флексиях Р.-Д.-М. пад. без ущерба для морфонологического единства парадигмы происходило только при конечных заднеязычных согласных (*у рѣки, къ рѣки, о рѣки*). Вероятно, новая флексия, возникнув фонетическим путем, закрепилась в твердом варианте склонения сначала в основах на заднеязычные, и это поддержало ее распространение на основы с финальными согласными, парными по твердости|мягкости; в результате появились формы типа *жени*, которые нарушили морфонологическое единство парадигмы. В XIV—XVII вв. такие формы спорадически встречаются в рукописях северо-западного происхождения, отражающих изменение [ё] в [и], например, в таких, как «Новгородское евангелие Императорской публичной библиотеки» XIV в. («о ловитви», 58, «въ храмъни», 62²⁹), «Требник Общества любителей древней письменности и искусства № 24» XIV в. («марфи», 120, «по судби», 101, «въ труби», 113³⁰), «Комиссионный список Новгородской летописи» XV в. («в сили», 370₃, «при побѣди», 257)³¹, деловые тексты конца XVI—первой половины XVII в. из фондов Тихвинского Успенского и Александровского Свирского монастырей («с тихвини» V, 115 об., «к москви» 8, 4, «дано кузми» I, 20 об., «по кабали» 6, 147, 161 об. и др.; «на тифини» 8, 1 об., «в трапези» I, 33, «по жени» VI, 134 об.)¹³⁵, «на кузми» 34, 6 об., «на правои сторони» 1257—64).

Чрезвычайно интересны данные, представленные в опубликованных берестяных грамотах XIV—XV вв. Здесь, в отличие от некоторых других новгородских рукописей (см. выше), нет форм Д.-М. пад. с окончанием -ы, но в тех грамотах, где имеется мена букв ъ и и, у существительных с основами на парный твердый согласный встречаются формы Р.-Д.-М., оканчивающиеся на -и. Р. пад.: «у Михали» (№ 260, вторая половина XIV в.), «ω (от) Михали» (№ 17, XV в.), «у Михали» (№ 299, первая половина XV в.), «у Жидили, у Гостили» (№ 2, первая половина XV в.), «слушатъ (=«слушать») Домни» (№ 265, рубеж XIV—XV вв.), «о (от?) Микули» (№ 93, XIV в.). Дат. пад.: «даи ключи єоми» (№ 177, середина XIV в.), «Мануили ... ни его сну Фоми» (№ 535, вторая половина XIV в.), «к осподину моему Фоми» (№ 23, рубеж XIV—XV вв.), «поклонъ ... Фоми» (№ 11, первая половина XV в.), «ко Марфи» (№ 389, первая половина XIV в.), «Михали» (№ 297, первая половина XV в.), «осподѣну Микыти» (№ 307, XV в.). Мест. пад.: «в вири» (№ 154, первая половина XV в.).

Итак, появление подобных форм превращало позиционную мягкость конечного согласного основы в фонематическую, нарушив тем самым единство парадигмы, которое было затем восстановлено (как уже отмечалось исследователями³²) путем изменения [и] в [ы], отчего и образовалась синкретичная форма Р.-Д.-М. пад. с окончанием -ы.

Схематически процесс образования падежного синкремизма и смены его вида в говорах новгородского типа, переживших изменение [ё] в [и], можно представить следующим образом:

²⁹ См.: Васильев Л. Л. Указ. соч. С. 154.

³⁰ См.: Виноградов В. В. Исследования в области фонетики северо-русского наречия. Вып. I. Очерки из истории звука ъ в северо-русском наречии. Пг., 1923. С. 193.

³¹ Там же. С. 177.

³² См., например: Доброму слова А. Н. К истории форм дательного-местного на -ы в северновеликорусских говорах. С. 98—99.

мягкий вариант

Р.	-ѣ	}	-ѣ	}	-и
Д.-М.	-и		-ѣ		

твёрдый вариант

Р.	-ы	}	-ѣ	}	-и
Д.-М.	-ѣ		-ѣ		

Однако возникает закономерный вопрос о диалектах (они восстанавливаются и по рукописным источникам), где фонетического процесса изменения [ё] в [и] не происходило, а флексия -ы (иногда -и) в Р.-Д.-М. пад. твердого варианта *a*-склонения отмечается. Это характерно, в частности, для говоров, отраженных во многих двинских грамотах — тех, где буква є употребляется правильно либо смешивается с е. Есть также рукописи новгородского и псковского происхождения, представляющие аналогичную картину³³. Обычно подобные тексты, вернее, реконструируемые на их основании говоры, и привлекаются лингвистами для доказательства того, что формы Р.-Д.-М. пад. на -ы в диалектах новгородского типа возникли в результате морфологической аналогии³⁴. Однако предположение о том, что идентичные изменения, происходившие примерно одновременно в граничащих друг с другом говорах, были обусловлены действием разнородных причин, представляется не совсем реальным. Поэтому можно, видимо, найти иное, не морфологическое, объяснение появлению синкетической флексии -ы (-и) в диалектах, фонетически не изменявших [ё] в [и].

В живом языке, как известно, нередки процессы междиалектных взаимодействий, отчего, на наш взгляд, можно предположить, что под влиянием тех говоров, которые пережили изменение [ё] в [и] и приобрели флексию Р.-Д.-М. пад. -и, а затем -ы, фонетическим путем, эта синкетическая флексия появилась и в соседних диалектах, где фонетических оснований для ее возникновения не было.

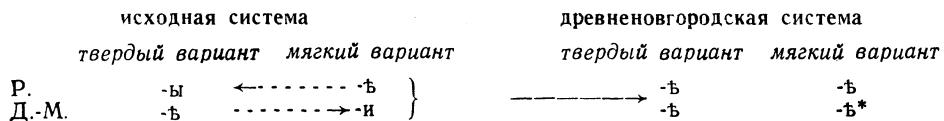
Наконец, остается выявить причины столь длительного (на протяжении нескольких веков) существования в северо-западных говорах форм на -ѣ (-e) и на -ы в твердом варианте склонения. Допустимо, что после изменения конечного [ё] в [и] и образования форм типа *же-ни* фонематическая твердость основы восстанавливалась не только благодаря отвердению конечного согласного основы и замене [и] на [ы] после твердого согласного, но и путем превращения фонетической мягкости согласного в конце основы в позиционную, что становилось возможным в том случае, если конечное [и] замещалось гласным переднего ряда [е]. Перед гласным [е] парный согласный на морфемном шве приобретал позиционную мягкость, так как в данной системе не было фонологического противопоставления твердых|мягких согласных перед гласной фонемой <е>³⁵.

Таким образом, в древнерусском диалекте у существительных с исторической основой на -*а в единственном числе по крайней мере к XI в. произошла унификация твердой и мягкой разновидностей склонения и образовалась синкетическая форма Р.-Д.-М. пад. с окончанием -ѣ:

³³ См., например: Мирецкий А. Л. Склонение имен существительных... С. 7; Каринский Н. М. Указ. соч. С. 92, 115, 126.

³⁴ См.: Добромуслов А. Н. К истории форм дательного-местного на -ы в северновеликорусских говорах. С. 96.

³⁵ По аналогии формы на -е могли появиться и у имен с основами на заднеязычные, где выравнивания парадигмы не требовалось (мягкость заднеязычных определяется как позиционная и перед [е] и перед [и]).

* Пунктирными стрелками обозначается предполагаемое направление влияния; сплошной — переход от одной системы к другой.

Далее, в результате изменения [ё] в [и] в мягком варианте склонения, где такое преобразование не вызывало противодействия со стороны конечного согласного основы, довольно рано установилась синкретичная флексия Р.-Д.-М. пад. *-i*. В твердой разновидности также появлялось окончание *-i*, но затем здесь произошло выравнивание основ, стремившихся сохранить фонематическую твердость, причем это выравнивание осуществлялось двумя путями: [и] замещалось звуком [ы] или [е]. В итоге в твердой разновидности склонения на протяжении длительного периода времени оказались сосуществующими синкретичные формы Р.-Д.-М. пад. с окончаниями <*i*> (реализовавшимся в звуке [ы]) и <*e*> (под воздействием традиционных орфографических норм нередко изображаемым на письме как ъ).

В конце концов одна из двух форм должна была победить, и форма на *-ы* вытеснила форму на *-e*. Здесь усматривается несколько причин, которые, впрочем, могли действовать и одновременно: 1) влияние синкретичной формы мягкой разновидности, имевшей окончание *-i* (*от земли, к земли, на земли*); 2) поддержка со стороны устойчивого в северо-западных говорах 3-го склонения существительных (типа *кость*) с единой флексией Р.-Д.-М. пад. *-i*; 3) наконец, нельзя отрицать возможности влияния юго-западных диалектов, где также произошло совпадение Р.-Д.-М. пад. в форме типа *жены*, но, судя по данным лингвистической географии, довольно поздно, уже на этапе существования отдельных восточнославянских языков, а именно в XVII в.³⁶, т. е. тогда, когда в северо-западных говорах стало отмечаться активное наступление синкретичной флексии Р.-Д.-М. <*i*> ([ы]) на общую флексию тех же падежей <*e*>.

³⁶ См.: Сологуб А. И. Указ. соч. С. 80.

Поступила в редакцию
15.09.90